

Этот человек знает, как обустроить не только музей

Фото Натальи Пресображенской (НГ-фото)

Латифундист нашего времени

Владимир Толстой: «Я человек амбициозный и азартный»

Сергей Шаповал

«Ясная Поляна» – самый известный российский музей-усадьба. Так было в советские времена, так есть и сегодня. Как и в былые времена, туда возят школьников и иностранных туристов, совершают паломничества те, кто считает это место культовым. Однако после того как директором музея стал Владимир Толстой, молодой и энергичный потомок великого писателя, начали происходить странные вещи: к усадьбе стали присоединяться новые территории. У музея появились невиданные у нас функции. Далеко не все восприняли это спокойно, но со временем общественность стала признавать успехи нарушителя музейных традиций. На недавнем прошедшем фестивале «Интермузей-2004» «Ясная Поляна» была отмечена «за работу по восстановлению историко-культурного ландшафта».

Владимир, за последние годы в «Ясной Поляне» произошли почти революционные перемены. Как вам это удалось?

– С самого начала моей работы в «Ясной Поляне» мы пошли не принятым в нашем музейном деле путем. Считалось, что музей должен заниматься исключительно своим непосредственным делом – хранить и представлять музейные ценности, а рекламой, организацией туризма, издательским делом должны заниматься специалисты. Такое возможно в музеях, живущих только своими коллекциями. В случае музея-заповедника, обладающего территориями и собственной инфраструктурой, нельзя кому-то отдавать на откуп части единого целого. В музейное дело я пришел в

1994 году, это был самый неблагоприятный для работы период. В советское время государство оказывало музеям поддержку, достаточную для того, чтобы содержать их в нормальном состоянии. Я начал работать, когда старая система рассыпалась окончательно и государство просто бросило музеи на произвол судьбы. Самым тяжелым был период с 1996 по 1998 год, тогда бюджетное финансирование осуществлялось процентов на пятнадцать от обещанного. Музеи оказались загнанными в свои стены, музейное сообщество оказалось совершенно разобщенным. Каждый спасался, как мог. Я понял, что расчет на государственную поддержку не оправдан, нужно искать другие пути. Объективные трудности подвигли меня на нетрадиционные ша-

– У Андрея Битова в одной из давних книг был такой пассаж: многим классикам русской литературы можно быть благодарным не только за их книги, но и за то, что благодаря их имени были созданы музеи-заповедники, сохраняющие природу в первозданном виде. – Абсолютно верно. Музеи-заповедники относятся к последним государственным землям, которые удалось сохранить благодаря именам классиков. Посмотрите, все Подмосковье застроено дачами, вырубаются леса, чтобы строить особняки. – Эта проблема возникла и в «Ясной Поляне»: были попытки строительства особняков в непосредственной близости от усадьбы. Как все разрешилось?

– Дело в том, что усадьба соседствует с деревней, в кото-

у усадьбе, осквернили могилу Толстого, держали лошадей в его кабинете и т.д. Каков урон от их пребывания?

– Случай «Ясной Поляны» уникален, сохранено максимальное количество подлинных вещей. Немцы были там сорок дней, к счастью, катастрофических последствий их пребывания не оставило. Могилу они не тронули, осквернение заключалось в том, что неподалеку от нее были похоронены погибшие немецкие офицеры. Когда немцев выбили, яснополянские крестьяне провели перезахоронение, а сейчас останки немцев перенесены на немецкий участок кладбища в Туле. Софье Андреевне Толстой-Есениной, которая тогда была директором музея, удалось вывезти наиболее ценные предметы в Томск. Исчезло полтора-два десятка

ключили двухлетний контракт. Через него наши связи с Германией резко увеличились, я думаю, они будут прогрессировать. Возможно, во время наших переговоров эта тема всплывет.

– Какова на сегодняшний день степень государственной помощи музею?

– Она вполне достойна. Если с середины и до конца 90-х она была крайне малой, едва покрывавшей расходы на музейные зарплаты и некоторые коммунальные услуги, то начиная с 2000 года бюджет выполняется на сто процентов. Этих денег достаточно для нормального содержания музея, но бюджет не предусматривает развития. Конечно, государство с пользой для себя могло бы инвестировать в развитие такого рода центров, все вернулось бы сторицей. Но пока наше разви-

– Никаких западных денег нет. Я не исключаю их появления, но я очень взвешенно и осторожно отношусь к внешним инвестициям. Не важно, западные деньги или российские, просто частный инвестор всегда подразумевает свою выгоду и долю в яснополянском, извините за выражение, бизнесе. Не хотел это слово употреблять, но сегодня от него трудно избавиться. Все, что находится в «Ясной Поляне», остается государственной федеральной собственностью, включая то огромное имущество, которое мы нажили за прошедшие десять лет. Когда я пришел в музей, существовала только усадьба, огороженная забором. Сегодня создана сеть филиалов, которые находятся у нас на балансе. Это родовое имя Никольское-Вяземское, усадьба сестры Льва Николаевича Марьи Николаевны в Пирогово, уездный город Крапивна, который сейчас в полном объеме находится под нашим патронажем; издательский дом и туристическое агентство, занимающие два особняка в Туле; галерея; выставочный зал; книжная лавка; художественный салон; гостиничный комплекс, выкупленный нами у профсоюзозов; железнодорожная станция, о которой я говорил; построенный нами детский сад в деревне Ясная Поляна. Скоро войдут в структуру музея яснополянская школа, построенная Александрой Львовной Толстой; большая промышленно-хозяйственная база. Я перечислил не все.

– У вас в области не появилось репутации латифундиста?

– Она у меня с первых дней работы. К тому же на меня смотрели как на сумасшедшего, потому что я начал брать объекты в совершенно руинированном состоянии, которые были никому не нужны. Сегодня это стало самой привлекательной собственностью в регионе.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

Лев Толстой прожил всю свою жизнь с одной целью: сделать жизнь человека лучше. Он продолжает это делать и сегодня, только с нашей помощью

рой живут люди, являющиеся частными владельцами своих домов. Некоторые их продают, покупатели обычно обладают большими деньгами, поэтому они считают возможным строить то, что им нравится. Нам приходится сдерживать их порывы и объяснять, что это охранный зона музея, что здесь существуют определенные правила застройки. Иногда, к сожалению, приходится судиться. Мы приостановили несколько строительство, теперь к нам все бегает согласовывать проекты. Вообще прекратить строительство мы не можем.

– По отношению к таким музеям, как «Ясная Поляна», всегда возникает вопрос об аутентичности. Во время войны немцы стояли в

вещей, среди которых седло Толстого, часы и т.д. Сейчас все, что находится в доме Толстого, подлинное, там нет ни одного муляжа. Поэтому мы можем говорить об абсолютной уникальности музея. Немцы, уходя, попытались поджечь дом, но крестьяне тут же потушили огонь. Выгорело несколько половниц, одна оконная рама, одна дверная створка.

– Немцы после войны много калялись, не было с их стороны предложений целевой помощи «Ясной Поляне»?

– Нет. У меня к этой проблеме сложное отношение, я не считаю, что мы вправе требовать от них чего-то. С недавних пор в музее работает эксперт по территориальному развитию из Германии, с которым мы за-

тне идет за счет собственной доходной деятельности. Был один случай крупной сторонней инвестиции: Министерство путей сообщения поддержало проект реконструкции станции Ясная Поляна. Было вложено около четырех миллионов долларов на полную историческую реконструкцию всего комплекса зданий и сооружений станции с путями и платформами. Нам передали в безвозмездное пользование на сорок девять лет здание, в котором мы открыли музей. Это действующая железнодорожная станция и музей одновременно. Курсирует специальный экспресс Москва-Ясная Поляна.

– Выходит, слухи о западных деньгах в «Ясной Поляне» сильно преувеличены?